

2. Лепахин В. В. Икона в русской художественной литературе: Икона, иконопочитание, иконопись, иконописцы. – М., 2002.
3. Распутин В. Г. На родине: Рассказы и очерки. – М., 2005.
4. Лепахин В. В. Икона и иконичность. – СПб., 2002.
5. Курносенко В. Неостающее время // Дружба народов. – 2007. – № 8.
6. Языкова И. К. Богословие иконы. М., 1994.
7. Карташова Н. В. Не от мира сего. – М., 2005. – № 9.
8. Котельников В. А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. – М., 2002.
9. Крупин В. Н. Прошли времена, остались сроки // Роман-газета. – 1997. – № 9.

I. Kazantseva
 THE REFLECTION OF ORTHODOX
 VALUES IN THE CREATIVE WORK OF THE
 CONTEMPORARY WRITERS

Abstract: The article is devoted to the study of orthodox values in Russian modern literature. The author demonstrated that the individual religious test influenced on the artistic method. The choice of the orthodox ethics determines the reflection of a space and a time.

Key words: Orthodoxy, an artistic method, orthodox values, poetics, an image, a plot, artistic means.

УДК 820 (73)

Карасик О.Б.

РОМАНЫ ФИЛИПА РОТА – К ВОПРОСУ ОБ АВТОБИОГРАФИЗМЕ ТВОРЧЕСТВА*

Аннотация: Данная статья посвящена одному из аспектов творчества «живого классика» американской литературы Филипа Рота. Автобиографизм – одна из основных черт его романного творчества, которая проявляется на различных уровнях. На протяжении многих лет протагонистами романов Рота являются его «двойники» – персонажи, во многом схожие с автором. Однако Рот настаивает на том, что его романы не являются абсолютно автобиографическими, и доказывает право писателя на вымысел.

Ключевые слова: автобиография, американский, писатель, факты, вымысел.

Филип Милтон Рот (р. 1933) – выдающийся американский писатель, обладатель многих литературных премий, неоднократный номинант на Нобелевскую премию. В последние годы его романы все чаще переводятся на русский язык. Некоторые из них уже выдержали по нескольку изданий.

Рот начал литературную карьеру в конце 50-х. В последние десятилетия он выпускает по роману в год и продолжает следовать своей излюбленной форме – многие его романы представляют собой исповедальный монолог с элементами автобиографии, в большинстве случаев пронизанный юмором и самоиронией. Его последний на сегодняшний день роман – «Возмущение» (*Indignation*) –

вышел в свет в 2008 году и практически сразу был переведен на русский язык.

Впервые исповедальная форма появилась в самом скандальном романе, ставшем уже классикой американской литературы XX века, – «Случай Портного» (*Portnoy's Complaint, 1969*). Это скандальное произведение, вызвавшее восторг одних критиков и негодование других, открыло публике темы и проблемы, которые писатель продолжает развивать и сейчас.

На первый взгляд роман выглядит автобиографическим из-за наличия в нем множества совпадений и несомненных автобиографических элементов. Однако, нам кажется, «Случай Портного» вовсе не авторская исповедь, но описание определенного типа личности с ярко проявляющимися этническими особенностями, в том числе комплексами и невротами, находящегося в поисках собственной этнической и сексуальной идентичности. В то же время форма повествования, которую избрал автор для воплощения своих идей, может ввести в заблуждение читателя и убедить его в том, что он имеет дело с автобиографией. Форму повествования романа «Случай Портного» можно определить как монолог-исповедь главного героя перед врачом-психоаналитиком. В дальнейшем Рот еще не раз обратится к этой форме.

Главному герою романа Александру Портному 33 года. Он подробно описывает

* © Карасик О.Б.

доктору свои общественные, личные и сексуальные связи и привязанности, которые зачастую предстают в оголенном и непристойном виде. Каждая из глав романа представляет собой воспоминания о прошлом героя и описание его фантазий на пути поисков идентичности. Все это автор гиперболизирует и доводит до абсурда.

Элементы автобиографии в романе очевидны. Главный герой так же, как и автор, родился и вырос в еврейском квартале Ньюарка в семье эмигрантов из Польши. Семья персонажа и его окружение фактически «списаны» Ротом с собственной семьи и друзей. Все традиционные стереотипы и модели поведения родители Алекса навязывают своему сыну, пытаясь воспитать его как «настоящего» еврея и формируя его этническую идентичность. Она складывается благодаря социальной среде, в которой растет Алекс. Его окружают еврейская школа, еврейский квартал, еврейские друзья и соседи. В «Случае Портного» Рот описывает общину своего детства. Он трансформирует в художественный текст впечатления от того сжатого маленького мирка, в котором провел первые 18 лет своей жизни. В этой же среде формирует и образ мыслей Алекса Портного.

В романах, последовавших за «Случаем Портного», Рот продолжает обращаться к собственной биографии. В начале 70-х в его творчестве появляются персонажи, которые фактически являются его двойниками, «вторыми я». Обращаясь к проблеме становления и этнической, и профессиональной идентичности творческой личности, Рот делает главными героями своих романов писателей. Персонажами многих его произведений являются литераторы Натан Цукерман и Дэвид Кепеш. Факты жизни этих персонажей во многом схожи с биографией самого Рота, а в самих романах элементы автобиографии тесно переплетаются с авторским вымыслом. Эти персонажи фигурируют в романах «Грудь» (*The Breast*, 1972), «Моя мужская правда» (*My Life As a Man*, 1974), «Профессор желаний» (*The Professor of Desire*, 1977), «Литературный негр» (*The Ghost Writer*, 1979), «Освобожденный Цукерман» (*Zhuckerman Unbound*, 1981), «Урок анатомии» (*The Anatomy Lesson*, 1983), «Контржизнь» (*The Counterlife*, 1986), «Факты. Автобиография романиста» (*The Facts. A Novelist's Autobiography*, 1988), «Людское клеймо» (*The Human Stain*, 2000) и «Умиращее животное» (*The Dying Animal*, 2001), «Призрак исчезает» (*Exit Ghost*, 2007) и других.

Элементами автобиографии в первую очередь, являются происхождение и социальный статус героев. Дэвид Кепеш и Натан Цукерман, как и сам Рот и Александр Портной, родились в типичных американских еврейских семьях. Их родители – эмигранты из польских местечек, которым удалось избежать Холокоста. Все они живут в еврейском квартале Ньюарка, в замкнутой еврейской среде. Все они со временем начинают чувствовать все большее проникновение реалий американской жизни в их замкнутый мир, что вызывает внутренние противоречия и отражается на их дальнейшей жизни. В произведениях последних лет Натан Цукерман и Дэвид Кепеш полностью совпадают с автором по возрасту, социальному статусу, общественному положению и, вероятно, по образу мыслей.

Натан Цукерман – главное и наиболее близкое к оригиналу *alter ego* автора. Проблема автобиографизма творчества становится основной в романе «Освобожденный Цукерман». Натан Цукерман, пройдя сложный путь формирования и становления (в «Моей мужской правде») и поисков наставника (в «Литературном негре»), стал зрелым писателем. Он выпустил книгу, которая принесла ему громкую славу и популярность у читателей, и одновременно презрение и осуждение родственников, друзей и соседей. Рот вводит читателя в заблуждение цитатой, предваряющей повествование: «Пусть Натан узнает, что значит стать известным. И пусть он никогда не постучит в нашу дверь, чтобы сказать, что мы его не предупреждали» [3: 1]*. Эта цитата подписана «И. И. Лонофф своей жене 10 декабря 1956 года» без упоминания о том, что взята она из предыдущего романа о Цукермане – «Литературный негр». У читателя, который не знаком с ним, должно создаваться впечатление, что перед ним биография реально существующего человека, а не полностью вымышленного персонажа.

Здесь уже Натан Цукерман в свою очередь создает образ своего персонажа Гилберта Карновски на основе собственной биографии и опыта.

Публикация романа «Карновски» сделала Цукермана знаменитым и скандальным автором так же, как когда-то «Случай Портного» принес скандальную славу Роту. Цукермана приглашают в телевизионные программы, у него берут интервью, ему приходят

* Здесь и далее цитаты из романов «Освобожденный Цукерман» и «Факты. Автобиография романиста» мои. – О.К.

письма от читателей, его узнают на улицах и просят автограф. Казалось бы, он добился успеха, пришел к осуществлению «американской мечты» о признании и благополучии. Однако это признание носит лишь скандальный характер и приносит неприятности семье и близким людям писателя. Его мать становится объектом насмешек, последовавших за остроумным и ироничным описанием матери Карновски, а сам Натан – объектом нелепого шантажа. Он вынужден доказывать всем, что Гилберт Карновски – вымышленный персонаж, а роман не является автобиографией.

Вероятно, идея развития подобного сюжета возникла у Рота на основе его собственного опыта. Начиная с выхода в свет романа «Случай Портного» каждое его произведение называли автобиографией, и в связи с этим выдвигались обвинения в антисемитизме, которые строились на ироничных и насмешливых описаниях еврейской семьи, свойственных писателю. Как и многие авторы, Рот ищет решения проблемы и ответы на преследующие его вопросы в творчестве. Так и Натан Цукерман создает своего «двойника» Карновски. Однако, когда он сталкивается с обвинениями в оскорблениях, которые исходят от родных и друзей, и в антисемитизме, о котором говорят критики, он вынужден доказывать окружающим, что между Цукерманом и Карновски нельзя ставить знак равенства. Разница между правдой и вымыслом неочевидна для его читателей. Поклонник творчества Натана, который преследует его повсюду, делится с ним собственной теорией: «Художественное произведение – это, конечно, не автобиография. Но я убежден, что любое произведение в той или иной мере берет начало в автобиографии. Хотя связь с реальными событиями может быть незначительной и даже отсутствовать вовсе. В конце концов, все мы основываемся на нашем собственном опыте, а опыт – это не только то, что на самом деле имело место, но и то, что создано нашим воображением. Автор не может писать о том, чего он не знает. Читатель должен предоставить ему материал. Опасно идти по пятам только собственного опыта: вероятно, недостаток твердости; стремление к искажению становится толчком к тому, чтобы оправдать авторский подход. С другой стороны, существующая дистанция либо полностью затмевает опыт, либо еще больше усиливает его. Для большинства из нас он все же затуманен, непонятен; но для писателя, если он способен воздержаться от скоропалительных выводов, опыт имеет преувеличенное значе-

ние» [3: 150]. Эти слова приводят в недоумение Натана, который всеми силами пытается доказать окружающим, что его произведение не автобиографическое, что он сам не Карновски, события романа никогда не происходили в реальности, а персонажи не списаны с его родственников и друзей.

Попытки возражать читателям и критикам остаются безуспешными. Более того, мать, брат и другие родственники писателя считают себя оскорбленными ироничной и насмешливой манерой, в которой он их «изобразил». Это становится также причиной бытовых неприятностей. Мать Натана называют не миссис Цукерман, а миссис Карновски, а угрозами причинить ей вред шантажируют самого писателя.

Так, основной темой романа являются отношения автор – персонаж – читатель. Эта линия развивается непосредственно в самом романе: Натан Цукерман (автор) – Гилберт Карновски (персонаж) – Алвин Пеплер (читатель и поклонник творчества Цукермана, который преследует его). В то же время на основе этой цепочки возникает ассоциация с другой подобной: Филип Рот – Натан Цукерман – читатели и критики, которые пытались поставить знак равенства между писателем и персонажем. В тот момент, когда в восприятии читателя автор и персонаж сливаются воедино, возникает конфликт произведения, где протагонистом выступает писатель Натан Цукерман, а антагонистами те, кто читает его произведения.

Роман «Освобожденный Цукерман» можно назвать своеобразным писательским манифестом, в котором предпринимается попытка разделить реальность и вымысел, жизнь и художественную литературу. Натан Цукерман, а посредством него и сам Филип Рот, пытаются доказать право писателя на воображение и художественный вымысел. Конфликт в романе остается неразрешенным: Натану не удается доказать свое право на существование вне собственной прозы, и он решает порвать со всем, чем он дорожил до того, как стал знаменитым автором шумевшего романа. В финале на вопрос прохожего «Кто вы?» Цукерман отвечает: «Никто». «Это был конец. Вы больше не чей-то сын и не муж достойной женщины, вы больше не брат вашему брату, и вы ниоткуда» [3: 225]. Так думает о себе самом Натан Цукерман.

Своеобразную интерпретацию тема автобиографизма творчества приобретает в романе Рота «Факты: автобиография романиста» (*The Facts: A Novelist's Autobiography*,

1988). Название ввело читателей в заблуждение: казалось, что Рот решил действительно обратиться к собственной жизни. Но на этот раз не просто взять за основу события, а создать по-настоящему документальное произведение.

Сам автор формулирует цели этого произведения в первой главе. Они состоят в основном в том, чтобы вернуться назад, разрушить, что было создано его воображением для того, «чтобы восстановить оригинал, превращенный в вымысел» [7: 3]. Таким образом, созданием этого романа Рот косвенно отвечает на американскую традицию соединения *fiction* и *non-fiction*.

В «Фактах» Рот меняет местами автора и одну из основных и самых правдоподобных его масок – Цукермана. Он говорит о своем обращении к автобиографии как о методе, с помощью которого он «начал делиться непретворенным опытом» [7: 5]. Однако с первых же страниц возникают сомнения в подлинности «воспоминаний» автора. Читатель или исследователь, хорошо знакомый с творчеством Рота, знает, что мистификация – одни из его излюбленных приемов. Однако в то же время стремление рассказать подлинную историю своей жизни также имеет под собой достаточно оснований.

В течение долгих лет Рот сталкивался с перевернутым, неправильным прочтением своих произведений рецензентами. Это они настаивают на том, что он, как сам он сказал одному из репортеров, «единственный романист в истории литературы, который никогда ничего не выдумывал» [7: 135], писатель, чьи произведения основаны на автобиографических фактах. Рот в данном случае только цитирует своих критиков, однако сам отказывается воспользоваться подобным оправданием. Причиной своего неожиданного нехарактерного для него обращения к жанру автобиографии он называет нервный срыв, который он перенес весной 1987, вызванный отчасти побочными эффектами болеутоляющих препаратов. Депрессия, которая за этим последовала, заставила его усомниться в возможностях собственного воображения, на которое он всегда полагался для того, чтобы превращать обычную жизнь в блестящие, абсурдные и смешные произведения литературы. «Если эта рукопись и говорит о чем-либо, то только о моем пресыщении масками, передеваниями, искажением и ложью» [7: 6].

В «Фактах» Рот обращается к демифологизации как к одной из форм душевной терапии. Это было единственным, что он мог

сделать, заявляет он, «пока способность к перевоплощению, а с нею и воображение, были на грани разрушения» [7: 6]. Писатель имеет в виду, что книга, основанная на фактах, всего лишь средство защиты от того беспорядка текстов и образов, который угрожал его дальнейшей творческой деятельности. Этими заявлениями автор с самого начала задает предельно откровенный и в то же время условный тон всему повествованию.

М. Тлостанова говорит о «Фактах» Филипа Рота как о варианте «автобиографии пограничья». Она пишет: «Весь текст построен на манипуляторской игре “верю/не верю”, так что парадоксально, то, во что не верится в начале, оказывается наиболее правдоподобным в конце. Вопрос, который постоянно задает себе Рот в “Фактах” в чем истинный смысл его писательского “я”, кто такой настоящий Рот? В децентрализованной и деиерархизированной художественной вселенной писателя вышедший из-под контроля создателя Цукерман оказывается, по существу, равноправным с автором» [4: 266].

Рот убеждает читателя в том, что раскрывает перед ним приемы создания автобиографии. Однако это оказывается очередной мистификацией. Письмо, адресованное вымышленному лицу, и ответ, который на него получен, полностью опровергают саму идею автобиографии. Рот также утверждает, что Натан Цукерман оставил свои комментарии на полях его рукописи. Все это противоречит более раннему утверждению Рота о том, что он просто решил обратиться к документальным фактам. Он использует прием обрамления, помещая автобиографическое повествование между своим письмом вымышленному двойнику в начале и ответным письмом Цукермана в конце романа. Таким образом, получается, что предположительно документальная часть книги заключена между вымышленной перепиской автора и основного протагониста его произведений на протяжении последнего десятилетия.

Роман оканчивается просьбой вымышленного героя освободить его от необходимости облекать свои мысли и действия в слова, независимо от того, что происходит в их жизни. Что же произошло с четким разграничением между «соответствием действительности» и «выдумыванием легенд о самом себе», о котором говорится в первом послании Рота Цукерману? Очевидно, к автору в процессе написания книги не только вернулась его способность к воображению. Он также намеренно отходит от документальной точности

фактов и разрушает автобиографию для того, чтобы преобразовать ее в фантазию.

В финале книги Цукерман уверенно и безапелляционно отвечает на вопрос автора о книге: «Не публикуйте ее. Вам гораздо лучше удастся писать обо мне, чем пытаться “точно” изложить свою жизнь» [7: 161]. Так Рот не только открывает автобиографическое повествование суждением со стороны вымысла, но и завершает его утверждением превосходства воображения над документально точным изложением фактов. Вымысел оказывается более правдоподобным, хотя и не всегда более верным, чем факт, а автор ведет игру на грани *fiction* и *non-fiction*.

Итак, в «Фактах» Рот использует вымышленный персонаж для того, чтобы лишить факты их подлинности и документальности. Этим персонажем становится Натан Цукерман, который в различных произведениях выступал уже и как протагонист, и как персонаж произведения в произведении, и как своеобразный рецензент и критик самого Филипа Рота.

В целом, рассмотрев несколько ключевых в творчестве писателя романов с точки зрения их автобиографизма, мы пришли к определенным выводам. На раннем этапе творчества Рот традиционно использует факты собственной биографии для создания образа персонажа – заимствует происхождение, семейную ситуацию, особенности воспитания и образования. Сквозные персонажи – писатели, университетские преподаватели Натан Цукерман и Дэвид Кепеш – уже не только фактами биографии совпадают с автором. Они прошли те же этапы формирования и профессионального становления, что и сам Рот, так же, как и он, пережили скандалы вокруг своих произведений и пришли к славе и признанию.

В тех романах Рота, которые мы, бла-

годаря его продуманной игре с текстом и мистификации читателя и критиков, можем назвать постмодернистскими, писатель разрушает все принципы автобиографии. Он старается доказать читателям и критикам, что нельзя ставить знак равенства между ним и его персонажами, каким бы биографическим сходством он их ни наделял. С помощью автобиографических элементов и персонажей-«двойников» Рот доказывает право писателя на художественный вымысел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зверев А.М. Рец. на кн.: Roth, Ph. *The Facts: A Novelist's Autobiography*. – London.: Cape, 1989 // СХЛ. – 1990. – №6. – С. 72-75.
2. Рот Ф. *Случай Портного*. – СПб., 2001.
3. Roth, Ph. *Zuckerman Unbound*. – N.Y.: Vintage Books. A division of Random House, Inc. – 225 p.
4. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. – М., 2000.
5. Jones, J. P., Nance, G. A. *Philip Roth*. – N.Y.: Frederick Ungar Publishing Co., 1981. – 182 p.
6. Roth, Ph. *Portnoy's Complaint*. – N.Y.: Bantam Books, 1978. – 309 p.
7. Roth, Ph. *The Facts. A Novelist's Autobiography*. – N.Y.: Viking Penguin, 1989. – 247 p.
8. Wohlegelernter, M. *Jewish Writers/ Irish Writers: Selected Essays on the Love of Words*. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1999. – 196 p.

O. Karasik

NOVELS BY PHILIP ROTH. THE PROBLEM OF AUTOBIOGRAPHY

Abstract: This article deals with the novels of one of the most outstanding contemporary American authors Philip Roth. We focus our attention on the problems of autobiography. Roth's novels are often called autobiographical, but the author himself tries to prove his right for imagination and creation of fictional characters.

Key words: autobiography, author, American, facts, fiction.